

18+

Дмитрий Березин

ДНЕВНИК СТУДЕНТА-МЕДИКА

Дмитрий Березин

Дневник студента-медика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69871594

ISBN 9785006073739

Аннотация

Дмитрий Березин – главный герой этой книги, родился и жил в глухой уральской деревне. После окончания школы он поступает в медицинское училище, находящееся в районном центре. Каждую неделю он приезжает домой, пополнить запас продуктов и денег, так необходимых для жизни вдалеке от родителей. Именно недостаток денег и вынуждает его на первом курсе устроиться санитаром в тубдиспансер, где ему впервые приходится столкнуться с суровой действительностью работы в медицине и жизни в целом.

Содержание

Почему медицина?	5
Первый курс	11
Первый раз на первый курс	11
Первая жесьть	16
Стыд	21
Общага. Первая встреча с наркоманами	23
Пирамида мытарств	29
Фарма	38
Чайник	43
Упал	51
Морг	56
Отходняк	63
Староста	68
Инъекции	76
Практикант	83
Окончание практики	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дневник студента-медика

Дмитрий Березин

© Дмитрий Березин, 2024

ISBN 978-5-0060-7373-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почему медицина?

Первое решение стать врачом возникло у меня ещё в возрасте одиннадцати лет, когда я переболел ужасной ангиной. Медпункта в деревне у нас не было, поэтому моим лечением занимался мой отец, который когда-то, ещё до и во время службы в армии, был фельдшером. Мне неоднократно приходилось слышать от него латинские слова, фразы и поговорки.

Бывало, подсоблю я ему в чем-нибудь, а он скажет: «Manus manum lavat» – (в русской транскрипции: мánус мánум лявэт) – «рука руку моет».

1999 год. Последний год моей учёбы в школе и последний год правления Бориса Николаевича. Так уж совпало, ничего не поделать. Мне надо было решить, что делать дальше. Учитывая слабую финансовую поддержку со стороны родителей (90-е годы), я решил, что учиться буду в районном центре, так как обучение в мединституте в областном центре моим родителям было бы просто не потянуть.

В нашем районном центре, находящимся в пятидесяти километрах от нашей деревни, было только два средних учебных заведения – профессиональное техническое училище, в котором учили на трактористов-машинистов широкого профиля, и медицинское училище, в котором учили на медсестер и фельдшеров. Выбор, так сказать, огромный. До сих

пор в том селе существует такая шутка: «На улицу выйди, шапку сними, кинь её в толпу людей. Попадешь в мужика – окажется трактористом, попадешь в женщину – окажется медиком».

Для того, чтоб поступить в медицинское училище, необходимо было сдать два экзамена: русский язык – диктант, биология – устно по билетам.

В деревне, в которой мы жили, отсутствовали телефон и медпункт, а в тот год летом ещё и пропало электричество в результате короткого замыкания и пожара единственного на всю деревню трансформатора. Подготовку к экзаменам мне приходилось осуществлять, что называется, при свечах. «Абитура».

Честно говоря, впервые я столкнулся с этим словом, когда сам стал абитуриентом, приехав на экзамены в августе-месяце. Оказывается, абитуриенты – это люди, поступающие в учебное заведение, но ещё не поступившие. Не всегда абитуриенты становятся студентами. Бывает, что побыл немногo абитуриентом, а потом стал призывником, или к маме вернулся.

Вообще, перед экзаменами имелись двухнедельные подготовительные курсы, которые стоили по тем меркам колоссальных денег – целых триста рублей. А для того, чтоб можно было посещать эти курсы, надо было же где-то жить все две недели, например, в общежитии, а это еще примерно столько же по деньгам. Поэтому, посещать эти курсы я не мог

позволить. Приехал я в райцентр за два дня до экзамена, заселился в общежитии, которое было при медучилище. Оплатить проживание решил за три дня, до первого экзамена – вдруг не сдам, так хоть с горя на оставшиеся деньги вина попью на своих проводах в армию. С собой у меня был учебник по биологии, ручка, тетрадка-черновик и душа, терзаемая школьной растерянностью. В комнате, в которую меня заселили, уже проживал абитуриент, который поступал первым потоком. Он уже сдал экзамен по русскому на «отлично» и готовился сдавать биологию.

Первым экзаменом поставили Русский язык. Не помню, по какой причине я опоздал экзамен, да ещё и не ходил на подготовительные курсы, что вели те же преподаватели, которые принимали экзамен, поэтому благополучно написал диктант на тройку. Проходной балл был восемь. Мне ничего не оставалось, как сдать биологию на «отлично». А ещё именно тогда я дал себе слово больше никогда не опаздывать.

Билет по биологии мне попался под номером тринадцать. В нем было два вопроса и задача по генетике.

Первый вопрос. Система кровообращения человека.

– Система кровообращения человека состоит из четырехкамерного сердца, артерий и вен, – отвечал я на первый вопрос. – Кровь из левого желудочка поступает в артерии, разносится по организму, возвращается по венам в правое предсердие, потом в правый желудочек. Из правого желудочка

бедная кислородом кровь по лёгочной артерии направляется к лёгким, обогащается кислородом и, по легочным венам, возвращается в левое предсердие. Из левого предсердия она поступает в левый желудочек, а потом снова в артерии и, уже обогащенная кислородом, снова разносится по органам и тканям.

Я замолчал и посмотрел на преподавателя, который принимал экзамен.

« – Приступайте ко второму вопросу», – сказал преподаватель.

Второй вопрос. Механизм остановки кровотечения.

Здесь следует сделать небольшой экскурс в прошлое.

Когда мне было пятнадцать лет, на покосе я сильно порезал указательный палец, когда точил косу.

– «Вжик» – палец скользнул по острию косы-литовки.

Из образовавшейся раны струёй ударила алая кровь. Впервые в жизни я увидел артериальное кровотечение.

– Порезался! – крикнул я отцу.

Отец воткнул косу в землю, быстро подошёл и пережал мне артерию. Кровотечение остановилось.

– Прижми вот так, – сказал он мне, – чтобы кровь не бежала.

На его лице не было никакой паники или растерянности. Он прекрасно знал что делать. Я зажал палец. Из брезентовой накидки от мотоциклетной коляски, отец сделал импровизированный жгут и повязку. Перевязал. Кровотечение

остановилось.

« – Механизм остановки кровотечения называется «гемостаз», – сказал он мне тогда, – «Наема» – кровь, «Static» – стоящий неподвижно.

Условия для запоминания, были более чем благоприятные. Косить сено в тот день мы продолжили, несмотря на производственную травму.

...

Я стал отвечать на второй вопрос

– Механизм остановки кровотечения или гемостаз...

– Как-как, вы сказали? – перебил меня преподаватель.

– Гемостаз...

Сначала я подумал, что она не знает этого слова, и теперь я выгляжу нелепо, но она, увидев моё смятение, удовлетворительно кивнув, сказала:

– Продолжайте!

Далее я рассказывал про сосудистое русло, про тромбоциты и фибриноген, про спазм сосудов, который тоже способствует остановке кровотечения, а преподаватель, уже не отрываясь, смотрела на меня и слушала. Честно сказать, мне это понравилось.

Третий вопрос представлял собой задачу по генетике, основанной на третьем законе Менделя. Это когда при скрещивании двух особей, отличающихся по двум и более признакам, эти признаки в последующих поколениях будут сочетаться независимо друг от друга. Любой десятиклассник

умел (по крайней мере, в 1999 году умел) решать эту задачу.

Когда я закончил отвечать, то сказал:

– Ну вот, собственно и всё. Если у вас остались вопросы, то я готов ответить.

Биологию я сдал на «отлично» и поехал домой. Впереди были остатки лета и четыре долгих учебных года.

Первый курс

Первый раз на первый курс

«Если все профессии на свете, вдруг сложить горою на планете. То, наверно, на её вершине, высветилось слово МЕДИЦИНА!»

Так гласила надпись-четверостишие в холле училища.

Первого сентября было многолюдно, шумно и ничего не понятно. Куда идти? Кого придерживаться? Это ладно в школе, там знаешь своих одноклассников, держишься с ними рядом, а тут же незнакомые абсолютно все! Но в этой толпе отчётливо выделялись первокурсники. Их растерянные лица, выражали страх, любопытство и недоумение одновременно.

«Буду придерживаться их», – подумал я.

Но оказалось, что первого курса, аж целых пять групп, по тридцать-тридцать пять человек. Группа моя была под номером 13.

В расписании, висящем на стене, я нашел номер аудитории, в которой наша группа должна была собраться на первый, в моей студенческой жизни, предмет. Предмет этот назывался «Введение в специальность».

В аудитории было около шестидесяти человек, таких же студентов, как и я. Оказалось, что параллельные группы на лекции приходили одновременно. Из этих шестидесяти человек, парней, вместе со мной было только восемь. Малина! Друг от друга группы отличались только преподаваемым им иностранным языком. Я был в группе с «немцами», поскольку в школе изучал немецкий язык. Началось знакомство с педагогом. Переключка. Преподаватель называла фамилию, а студент, услышав себя, вставал и говорил свое имя и отчество.

– Березин!

– Дмитрий Леонидович, – вставая, ответил я.

...

Начался лекционный курс. Анатомия и физиология, микробиология и гигиена, психология, латынь и фармакология. Столько писать мне в жизни не приходилось. За первый же день лекций я исписал весь стержень авторучки. Моему, продавленному от авторучки указательному пальцу, его изначальная анатомическая форма вернулась лишь к утру следующего дня.

Анатомия.

Боже мой! Кто бы мог подумать, что человек так сложно устроен? Это далеко не программа девятого класса средней школы.

Началась анатомия с цитологии и гистологии – науки о клетке и тканях соответственно.

– Клетка – это элементарная структурно-функциональная единица строения и жизнедеятельности всего живого. Обладает собственным обменом веществ, способна к самовоспроизведению, – отвечал я преподавателю на анатомии.

При общении с педагогом я уже не чувствовал себя школьником, когда учитель, как мама или папа, жалеет и «тянет» ученика. В училище общение с преподавателями было официально-деловым: он тебя спрашивает, ты отвечаешь. Если не знаешь, то значит, нечего тебе делать в медицине, значит иди туда, где знания не важны, а то и вовсе не нужны.

Первую «двойку» по анатомии я получил вообще ни за что. Тогда мне впервые пришлось столкнуться с непробиваемой принципиальностью отдельно взятого человека.

Преподавателем анатомии была женщина в возрасте 50—55 лет. Про неё ходили слухи, что до того, как прийти преподавать анатомию, она работала судмедэкспертом в морге. Звали её Фаина Васильевна. Когда она монотонно читала лекции, то на ее лице не отражалось никаких эмоций. Такая эмоциональная ригидность присуща давно работающим оперативникам, судьям, следователям, ну и, как оказалось, судмедэкспертам.

За день до очередного зачёта, Фаина Васильевна вывесила напечатанный список из ста вопросов по теме «Скелет человека».

– Скопируйте себе вопросы и по ним готовьтесь к зачету, –

сказала нам «анатомичка».

Мы с ребятами и девочками, проживающими в общежитии, решили, что каждому копировать вопросы не надо, а достаточно одного листа. Всё равно живём в общежитии вместе, возьмём лист с вопросами и вместе подготовимся. Сделали одну копию на пятерых. За вечер мы действительно подготовились, выучили все кости скелета, их латинские наименования, иногда смеясь над некоторыми забавно звучащими словами. «Mandibula» – нижняя челюсть. В русской транскрипции звучит как Мандибуля. А большеберцовая кость – «Tibia» – Тибия. Откуда и появилась эта шутка: «Сейчас возьму Тибию и дам тебе по Мандибуле!». Череп – «краниум», а помимо того, что он сам краниум, так ещё и состоит из других костей (затылочной, височных, теменных, лобной, решетчатой, клиновидной, а ещё, из множества мелких лицевых костей).

Были и вопросы с подвохом. Например, «единственная кость, не соединяющаяся с другими костями скелета?» А Интернета не было тогда, чтоб сразу-то найти ответ! Всё приходилось искать в книге. Пока ищешь ответ, ещё много попутной информации уяснишь. А кость та, что не соединяется с другими костями, называется подъязычная или «осхиоидеум».

Настроенные на хорошие оценки, мы разошлись по своим комнатам.

Утром следующего дня, в предвкушении весьма пло-

творной работы и положительных эмоций от этой работы мы пришли на зачёт. Подошла моя очередь отвечать.

– Березин, – обратилась преподаватель, – читайте седьмой, двадцать девятый, семьдесят шестой вопросы и отвечайте на них.

– Пацаны, – обратился я к ребятам – дайте мне листок с вопросами.

– Вы не скопировали вопросы!?! – спросила меня педагог, обратив внимание на мое обращение к однокурсникам.

На её лице отобразилась какая-то не то обида, не то разочарование или даже гнев.

– Мы на пятерых сделали один лист и все вместе по нему готовились, – ответил я.

– Вы не готовы к зачёту! – отрезала она. – Как вы готовились, если у вас даже вопросов нет?

– У нас есть вопросы! Вот!

Я показал ей лист с вопросами.

– Я вам ставлю «незачет». Вы не готовы. Придёте, как будете готовы.

Остальным четверым студентам она также выставила незачет и отправила нас «гулять».

Нашему недоуменному возмущению тогда не было предела. Мы сюда за знаниями пришли, а не листочки копировать!

Сделав копии вопросов и показав ей наличие их у нас, мы благополучно сдали зачёт, поскольку, всё-таки мы готовились. Но, как говорится, «осадочек-то остался».

Первая жесть

Сентябрь был насыщен лекциями. Лекции начинались в восемь утра и заканчивались в шесть или семь вечера.

Весь этот месяц на занятия мы ходили в обычной одежде, в то время как старшие курсы ходили в белых халатах. Было несколько неудобно – как белые вороны. В студенты нас посвятили первого октября. Мероприятие организовали старшекурсники совместно с учителями. Собравшись в актовом зале, нам прочитали по строчкам «клятву Гиппократта», а первокурсники, её хором повторяли, держа в руках свернутые белые халаты. Во время произношения клятвы по актовому залу ходили два старшекурсника в древнегреческих тогах. Один держал в руках таз, на котором было написано «SPIRITUS AETILICUS» (спирт этиловый), другой окунал в этот «таз со спиртом» березовый веник и брызгал на нас, окропляя «свежепреставленных» студентов-медиков. Отныне мы обязаны были ходить даже на лекции только в халатах, причем застёгнутых. Вопрос с одеждой решился. Можно было поверх футболки накинуть халат и ходить на пары. Сначала было чувство какой-то важности. В халате, важный такой! Но потом халат стал каким-то обычным предметом, как ручка или тетрадка.

На первом курсе, в основном, нам преподавали теорию. Почему в основном? Потому что так же на первом курсе есть

ещё и такой предмет, как «Основы общего ухода.»

«Общий уход», это именно самая необходимая часть работы любого медицинского работника. Можно стать фельдшером, медсестрой, терапевтом, нейрохирургом, эндокринологом, окулистом или онкологом, но знать основы ухода за больным должны знать абсолютно все – от санитарки до профессора.

Основы общего ухода, как и все другие дисциплины, начались с лекций. На лекциях в наши юные головы «вдалбливались» такие качества как ответственность, отзывчивость, порядочность, а главное – сочувствие, сострадание и сопереживание. Нам рассказывалось, как поворачивать тяжёлых больных, как проводить профилактику пролежней, как подмывать, переодевать, кормить, поить и тому подобное.

После лекционного периода, нашу группу разделили на две подгруппы и три бригады. Подгруппами мы ходили на семинары, а бригадами на практику. Хотя какая это практика? Кто нас, вчерашних школьников подпустит к живому человеку? Это же не трактор какой-нибудь или шифоньер, который можно потрогать, покрутить или даже гвоздь в него забить и ему ничего не будет. Вот как раз для этого и была у нас в училище такая дисциплина, которую неофициально мы называли «Доклиника». На доклинике как раз учат студентов проводить различные манипуляции на манекенах, муляжах и тренажерах. Вот эту самую «Доклинику», мы называли громким словом «практика».

Доклиника занимала целый этаж нашего училища. В ней находились кабинеты по различным дисциплинам: хирургия, терапия, акушерство, педиатрия, дерматология, гигиена и прочее.

Сначала, на такой практике нам показали видеофильм, в котором демонстрировались некоторые манипуляции. Фильм был снят в реальных больницах. Нам демонстрировались инъекции и забор крови, перевязки и клизмы, катетеризации и профилактика пролежней. Но больше всего нас поразила процедура перевязки вскрытого постинъекционного абсцесса ягодицы. Это была до такой степени жуть, что две студентки сползли в обморок от увиденного.

Дело было так.

– Сегодня идём смотреть видеофильм об основах общего ухода! – объявила нам преподаватель.

– Урррааа! – обрадовались мы.

Всё что угодно, лишь бы только не писать, уже изрядно надоевшие, лекции и алгоритмы.

В небольшом кабинете на обычной парте был установлен обычный цветной телевизор с диагональю 36 сантиметров, к нему был присоединен видеоманитофон.

Фильм включили. Мы толпой сгрудились перед экраном. Женский голос за кадром монотонно озвучивал порядок проведения манипуляций. По мере трансляции количество сгрудившихся студентов уменьшалось, некоторые садились на стулья подальше от телевизора, но просмотр не прекра-

щали.

Дошло дело до перевязки ягодицы. Преподаватель остановила воспроизведение и грозно сказала:

– Вот, посмотрите, что бывает, если не соблюдать правила асептики и антисептики!

И без того уже бледные мы, после произнесенной ею фразы, вовсе стали светло-зеленого цвета.

В гнойной перевязочной на кушетке, «пятой точкой» в сторону оператора лежал пациент. На его правой ягодице была клеевая повязка, которую медленно снимала перевязочная медсестра. Когда сняли верхнюю салфетку, то нам крупным планом показали огромных размеров выгнившую полость, набитую салфетками, пропитанными мазями и гноем вперемешку. Вот эти салфетки медсестра начала доставать из полости раны. Когда она их доставала, то с них капал гной, а ягодица больного, точнее то, что от неё осталось, каждый раз дергалась от боли. Больной стонал. Но вот, все тряпки из гнойной полости вытащены. На их место укладывают свежие, пропитанные мазями салфетки. Больной стонет от боли, но медсестра хладнокровно продолжает перевязку. Её самообладанию можно позавидовать.

– Шлёп! – услышали мы за спиной.

Оказалось, что одна студентка, больше не в силах смотреть на происходящее, захотела выйти из кабинета, но когда она встала, голова её закружилась, в глазах потемнело, стало плохо. Её примеру последовала другая студентка, но тоже

поднявшись, она плавно завалилась на пол.

– Там нашатырь в шкафчике, – спокойно сказала преподаватель, – подайте, пожалуйста.

На всю жизнь мы поняли, что правила асептики и антисептики нарушать нельзя. Никто из нас даже и представить себя не мог в качестве причины таких страданий перевязываемого больного. Забегая вперёд, скажу, что упавшие в обморок студентки всё же выучились и работают в медицине.

Вот так, день за днём мы приобретали суровые профессиональные навыки, устраняя в себе детскую наивность.

Даже тренируясь на манекенах, мы считали, что это реальный, живой человек, и, если какая-то манипуляция не получалась на манекене, то к нашему переживанию по этому поводу примешивалось ещё и чувство какой-то вины перед этой пресловутой куклой или её филейной частью...

Стыд

В нашей бригаде, состоящей из одиннадцати человек, было всего два парня. Я и Андрюха, который почему-то после первого семестра предпочел покинуть медучилище и пойти в армию.

– Тема сегодняшнего практического занятия «Катетеризация мочевого пузыря эластичным катетером», – сказала преподаватель практики Любовь Павловна.

Некоторые девчонки захихикали, я посмотрел на Андрюху. Андрюха нелепо улыбался. В углу кабинета стоял обычный стол, накрытый по типу стерильного столика процедурного кабинета. Под белоснежной простыней, находились муляжи, на которых нам предстояло тренироваться. Эти муляжи мы ещё ни разу не видели, и даже представить себе такое не могли.

« – Подходите к столу», – сказала преподаватель и выдвинула стол на середину кабинета.

Мы облепили стол со всех сторон. Любовь Павловна откинула простыню, покрывающую макеты. То, что мы все увидели одновременно, повергло нас в неопишное смущение. На столике лежали мужские и женские поролоновые муляжи в натуральный размер. Андрюха, увидев такой срам, густо покраснел и закрыл глаза обеими руками. Его примеру последовали некоторые девчонки. Я, почему-то, поступил

так же.

– Дима! Андрей! – воскликнула Любовь Павловна. – Вы медицинские работники! У вас нет чувства стыда! Это важная часть вашей деятельности. У медиков нет стыда и брезгливости! От вас зависит здоровье и жизнь людей!

Но мы также стояли с закрытыми глазами.

– Я не открою глаза! – выдавила из себя девушка по имени Юля.

Преподаватель накинула обратно простыню, и рассадила нас за парты. Прочла нам краткую лекцию о необходимости перебороть свой стыд и научиться делать эту манипуляцию.

Ага! Легко ей говорить! А нам надо будет сейчас трогать это руками! Да ещё и на глазах девчонок!

Правдами и неправдами мы, густо краснея, запинаясь и по-идиотски хихикая, всё-таки прошли эту тему.

Общага. Первая встреча с наркоманами

Общежитие было рассчитано на двести мест. Мужских мест в нём было двадцать пять. Само общежитие было построено прямо рядом с училищем и соединялись они теплым переходом. Это было удобно. Во-первых, утром можно поспать подольше. Во-вторых, не надо надевать верхнюю одежду и топтать до учебы: накинул халат и через три минуты ты уже в училище. Перерыв между уроками был пять минут, между парами десять. Обед был с 11.40 до 12.30.

В начале первой недели, когда все студенты только приезжали от родителей, проблем с питанием не было. Кто-то ходил кушать в пельменную, кто-то в кафе. Примерно на третий день, подсчитывая свои остатки финансов, я понял, что для того, чтобы на выходные ехать домой, денег может не хватить. Беда была в том, что даже экономить было не с чего. У меня осталось двадцать рублей, а это как раз стоимость проезда до соседнего от нашей деревни села (в нашу деревню рейсовый автобус не ездил).

...

– Займи «чирибас»? – обратился ко мне незнакомый парень, когда я вышел покурить на крыльцо медучилища после пары.

Парень постоянно шмыгал носом, имел нездорово блед-

ное лицо, но кожа кистей его рук была какой-то неестественно красной. Взгляд его был пустым, отчаянным, но требовательным. Одет он был очень даже не бедно: на нем была кожаная куртка, чёрные брюки, туфли и кепка, которая называлась «восьмиклинка».

– У меня нет, – ответил я.

– Да я отдам тебе, завтра...

Голос его был каким-то болезненным, слабым. Так разговаривает человек, у которого, например, высокая температура тела, или он очень сильно устал и вот-вот уснёт.

– У меня нет, – снова повторил я.

– Чё ты пиз@ишь?! – резко зашипел он, чтоб не привлечь лишнего внимания. – У вас в общаге всегда есть «бабки»! Хочешь сказать, что ты себе на дорогу денег не оставил? А?!

Он схватил меня за халат в области плеча и уставился злым и безумным взглядом. Я быстро отбил его руку и скрылся за дверью училища. Он рванулся следом за мной, но вахтёр на входе преградил ему путь.

– Я тебя запомнил! – кричал он мне вслед. – Слышь!? Тебе кранты!

Я ушел на занятия.

Этот инцидент крепко засел у меня в голове. Мало того, что сейчас я далеко от родителей, мало того, что жрать охота, мало того, что занятия с 8.00 до 19.00, кучу информации в голове необходимо держать и применять, так ещё и мест-

ные тут деньги вымогают. И защиты-то никакой, вся надежда только на себя.

Вечером, видя мое подавленное настроение, однокурсник Ромка спросил:

– Ты что-то кислый какой-то.

– Да, сегодня какой-то хмырь пытался на деньги меня развести.

– В кожаной куртке такой бледный?

– Угу...

– Это Алик по кличке Фаза. Наркоман местный. У него родители какие-то «шишки», а он наркоман. Как у него деньги заканчиваются, он приходит к общаге и начинает с пацанов деньги сшибать.

– Фаза – это потому что фаза коротит или потому что сдвиг по фазе? – спросил я.

Мы рассмеялись и пошли готовиться к завтрашним парам.

Как Фаза попал в общагу этой же ночью, никто из нас не знал. Только позже мы узнали, что его дружки, которые учились на четвертом курсе и жили в общежитии, подняли его на третий этаж общежития при помощи пожарного шланга. По-видимому, Фазе всё же удалось раздобыть отраву, которую он принес с собой. Его дружки-старшекурсники, чтоб не колоться у себя в комнате, решили прийти в нашу комнату и травиться уже у нас.

– 413-я, подъём! – услышали мы крик в коридоре, а затем

громкий стук в нашу дверь.

« – Не открывайте», – сказал я пацанам.

– Ага. Завтра ещё хуже будет! – заныл Ромка и открыл дверь.

– Здарова, пацаны! – на пороге стоял Фаза с парой таких же дружков. – Мы тут уколемся, вы же не против?

Парни вошли в нашу комнату.

Лицо Фаза было таким же болезненным, но, в отличие от хмурого состояния днём, сейчас он как-то хищно улыбался. Меня он либо не узнал, либо ему было безразлично, так как он собирался уколиться.

Мне впервые в жизни пришлось увидеть, как наркоманы готовят и применяют наркотики. Порошок высыпали в ложку, которую взяли тут же на столе, вскрыли ампулу «воды для инъекций», добавили к порошку. Чиркнув зажигалкой, вскипятили все в ложке, и прямо из нее набрали получившийся раствор в пятимиллилитровый шприц. Фаза снял куртку. Странно, но под курткой оказалась белая, почти безупречно выглаженная рубашка, рукав которой он закатал до самого плечевого сустава.

– Вот сюда, – показал он в область подмышки. – Попадешь?

– А то! – ответил ему старшекурсник Тимур, держа шприц в руке.

Фаза сел на табурет, положил руку на стол, вывернув ее так, чтоб была видна его вена, в которую он собрался

уколоться. Старшекурсник без особых проблем сделал ему внутривенную инъекцию.

– А-а-а... – блаженно застонал Фаза.

– Держи вену и жди прихода! – сказал Тимур.

– Угу..., – промычал Фаза, и тут же, сквозь зубы, втянув воздух, резко вскрикнул:

– А-а-аа!

Так вскрикивают либо от ожогов, или от какой-то резкой боли.

– О! – смеясь сказал Тимур, – Приход пошёл?

Фаза, придерживая пальцем место инъекции, корчился и чесался так, как будто по нему ползали муравьи. Продолжалось это около двух минут. Потом он закурил и сел, но почему-то не на табурет, а на корточки, прислонившись спиной к стене. Затягиваясь сигаретой, он, с каждым разом всё медленнее выпускал дым и блаженно улыбался. Наконец, голова его медленно опустилась на грудь, рот приоткрылся – Фаза затих.

Тимур, глядя на него, с завистью сказал:

– Везёт, блин! Я тоже так хочу!

Потом он перевел взгляд на нас:

– Пацаны, хотите «вмазаться»?

Я мотнул головой:

– Мне этого не надо.

Почти всю ночь старшекурсники пробыли в нашей комнате. Выпили весь чай, съели остатки продуктов. Говорили

они только о наркотиках, о том, как можно добыть денег для их приобретения, где и кто занимается скупкой золота, краденых вещей. Фаза всё это время редко «всхрюкивал» также сидя на корточках. Только под утро он «очухался», встал и молча, шатающейся походкой, вышел из комнаты.

...

«Как тут жить!?! Как тут учиться!?! – мысли путались у меня в голове. – Старший курс – наркоманы, местные – наркоманы! К черту такую учебу!!!»

Пирамида мытарств

Под окном общежития мы услышали звуки рвоты. Это был Фаза, который согнувшись пополам, блевал прямо на асфальт. Рядом стояли его дружки-старшекурсники.

– Это всё твоя жадность! – говорил ему один.

– В натуре, Алик! Надо было с нами поделиться! – говорил второй.

– Найдёте «лавандос», поделюсь..., – отвечал Фаза, сплевывая на землю и вытирая рукой рот.

...

Обстановка, окружавшая нас, была действительно тяжёлой. О какой учебе может идти речь, если тебя подстерегает опасность в виде наркоманов-старшекурсников, хочется кушать и спать? Хотя нет хочется не кушать, хочется ЖРАТЬ!

– Пирамида потребностей Абрахама Маслоу состоит из пяти блоков, – читала нам лекцию преподаватель психологии. – Первая ступень – физиологические потребности – это потребность в еде, тепле, сексе...

«Ну, тут более или менее все понятно», – думал я, с трудом успевая записывать конспект.

– Вторая ступень – потребность в безопасности. Это необходимость в жилище, тепле, чувстве защищённости, избавление от страха и неудач... Эти первые две ступени являются

фундаментальными и присущи не только человеку, но и многим животным...

«Так, тут тоже пока что всё понятно...»

– Третья ступень – социальные потребности. Это потребность в причислении себя к тому или иному обществу, потребность в семье – продолжала читать лекцию преподаватель. – Вот вы все, находящиеся здесь, к какой социальной группе себя относите?

– Студенты? – робко спросил кто-то из аудитории.

– Верно! – согласилась преподаватель.

Аудитория довольно зашумела. Ещё бы! Мы уже не просто животные оказывается, а уже «доросшие до третьей ступени личности!»

– Пишем дальше. Четвертая ступень – потребность в уважении и признании.

«Вот тут уже что-то как-то непонятно... – подумал я. – Да мне вообще безразлично, кто там меня уважает или нет! Мне жрать и спать хочется! А ещё я не чувствую себя в безопасности! О каком, к чёрту, уважении может идти речь, если я ещё свои первые две ступени потребностей не удовлетворил?»

Преподаватель продолжала:

– Пятая ступень – вершина пирамиды – потребность в самореализации и самоактуализации...

«А это, блин, что ещё такое? – подумал я и положил голову на руки. – Попробую поспать хоть немного, а то вдруг

снова ночью не придётся...»

...

Неделя обучения закончилась в субботу тремя парами лекций по сокращенному варианту – это когда между парами перерыв пять минут, а между уроками пары перерыва нет.

Я поехал домой с диким желанием обговорить с родителями вопрос о прекращении моего дальнейшего обучения. Автобус благополучно довёз меня до соседнего села, от которого я ещё час шел до дома пешком. Хмурые осенние краски родных мест определенно радовали меня тогда, несмотря на ощущаемый мною холод и голод, преследовавший меня всю неделю. И даже ребята из соседнего села, с которыми у нас, как и положено в деревнях, «были напряженные отношения», мне казались очень даже родными людьми в тот момент. Вот, как оказывается интерпретируется фраза: «всё познается в сравнении».

«Не-ет, – думал я, шагая домой с пустой клетчатой китайской сумкой, именуемой в народе „баулом“, – нафиг надо там учиться! Пойду работать на ферму! Или в кузницу! Буду телят пасти, или трактор ремонтировать. Вон, поля на зиму не опажаны! А вон там скот без присмотра ходит! Уж точно без работы не останусь! Да и друзья-пацаны меня ждут, уже, наверное, бражкой запаслись! Сегодня на деревенской дискотеке выпьем да попляшем!» Но когда я зашёл в дом, то, обнаружил, что родителей нет дома. На столе стояла тарелка, вместо крышки накрытая другой такой же тарелкой.

Я сдвинул верхнюю тарелку. От увиденного у меня подкосились ноги и закружилась голова. В тарелке были ПЕЛЬМЕНИ!!! Домашние, сочные, вкусные пельмени! Полная тарелка! Боже мой! Надо закинуть один пельмень в рот и, пока его жуёшь, можно взять вилку! Да! Именно так я и сделал. Прямо невымытыми руками, даже не разогревая, я «накидался» этими пельменями. И до такой степени стало мне хорошо! Всё же, как хорошо дома! Пельмени, тепло, сейчас еще и баню истоплю, да прогреюсь в ней! Боже мой! Какое это счастье, когда есть мама и папа, и они рядом!

Стемнело.

Пришла мама. Она работала почтальоном, ходила раздавать почту.

– Папка на мотоцикле уехал в город, – сказала она, – картошку продавать, чтоб тебе денег на учебу добыть...

Отец приехал поздним вечером. Привез восемьдесят рублей денег, кое-какие продукты и стиральный порошок, которые на рынке он выменял на картошку. Видно было, что он очень устал и замерз, но он искренне обрадовался, когда увидел, что я приехал. И до такой степени мне стало не по себе от осознания этого факта: мать с отцом тут из кожи вон лезут, чтоб меня выучить, а я учиться не хочу, тяжело мне, видите ли! Я решил разговор о том, что хочу бросить учёбу, отложить до завтра. Сегодня я отдыхаю. Сейчас в баню, а потом на дискотеку, брагу с пацанами пить!

...

– Ну что, студент? – спрашивали меня пацаны, когда мы уже опрокинули по несколько стаканов. – Как там учеба? Что изучаете?

Они были младше меня на год и учились в школе. Поступить никуда не собирались, считая, что и тут, в деревне дел невпроворот. Да и не хочется учиться, да и денег не особо много у родителей.

– Сегодня пирамиду Маслоу проходили, – ответил я с умным видом, затягиваясь сигаретой.

– О! А что это такое? – обступили меня пацаны.

– Ну, короче, был такой ученый, Абрахам Маслоу. Он придумал пирамиду человеческих потребностей...

– Нафига?

И тут меня понесло. Я как умел, своими словами принялся рассказывать друзьям о иерархической системе человеческих потребностей.

– Для того, чтоб можно было строить свое будущее, для того, чтоб можно было понимать, на каком этапе твоих потребностей у тебя проблемы, и ты топчешься на месте. Первая ступень, например, называется «Физиологические потребности» – это потребность пожрать, поспать и поср@ть. Вторая ступень – потребность в безопасности, то есть тебе, после того, как ты пожрал и захотелось спать, надо лечь не здесь на улице, а в теплом уютном доме. Третья ступень называется социальные потребности – это потребность в общении, причислении себя к определенной группе людей.

Вот, например, мы, – я указал рукой на всех нас, – мы друзья. Мы сами себя считаем друзьями. И, если первые две ступени потребностей присущи не только людям, но и животным тоже, согласитесь, что собаки тоже хотят есть, пить, размножаться, и чувствовать себя в безопасности, то именно с удовлетворения потребностей третьей ступени люди считаются людьми, а не животными...

Пацаны молчали.

– Четвертая ступень называется потребность в уважении и признании, а пятая как называется, я забыл.

Я замолчал и посмотрел на пацанов.

По их удивлённым лицам было видно, что услышанной от меня информацией они были дико ошеломлены. Они смотрели на меня уже не как обычно, а с каким-то уважением и интересом. Наконец, один из них прервал молчание, обратившись ко мне:

– Слышь, Димон? Расскажи что-нибудь ещё, а?

Я, сам того не ожидая, вдруг ясно ощутил: «Вот, что значит потребность в уважении! Вот она – четвертая ступень пирамиды потребностей! Я ОСТАЮСЬ! Я БУДУ УЧИТЬСЯ ДАЛЬШЕ!!!».

– Скоро нас на вскрытие в морг поведут! Я вам про вскрытие расскажу! – ответил я друзьям.

То ли от пельменей, которые я ел нематыми руками (ЖРАЛ!) накануне, то ли от браги, которую мы пили вечером с пацанами, но утром в воскресенье у меня началась ал-

лергия по типу крапивницы. Сначала появился дикий зуд кожи по всему телу, потом, в расчёсываемых мною местах появлялись бледно-розовые пятна-волдыри. Но я же теперь почти фельдшер! Надо лечиться. Дома нашел таблетку диазолина (правильно будет дражé!). Выпил. Стало немного легче. Разговор, о том, что я еще вчера хотел бросить учебу, я так и не начал. Стыдно было, что я вообще думал об этом. Уже сегодня надо было ехать обратно, потому что завтра в 8.00 начинаются занятия. Китайский баул я набил картошкой, хлебом, еще кое-какими продуктами и вещами. Сестра подарила мне фаянсовый заварочный чайник.

– Так мы в кружке завариваем чай! – сказал я.

– Во-первых, в чайнике удобнее, – ответила сестра, – а во-вторых, так заварки меньше уходит. Учись не только лечить, но и экономить! Ты же студент! Вот, смотри, я крышечку ниткой к ручке привязала, чтоб не потерялась.

Отец увез меня на мотоцикле до соседнего села. Видимо, он предвидел не начатый мной разговор, поэтому, пока мы ждали автобус, он сказал:

– Учись, сынок. Я вижу, что тебе тяжело. Но без образования еще тяжелее. Когда закончишь, то ты нигде не пропадешь. Люди всегда болели, болеют и будут болеть, будут рождаться и умирать – ничего не поделать, так устроена жизнь. Именно поэтому, имея медицинское образование, ты всегда сможешь прокормить себя и семью, куда бы тебя не забросила судьба.

Его слова я тогда не особо воспринимал. Я больше думал о том, как мне продержаться еще одну неделю в общежитии и снова приехать домой.

– Там наркоманы, пап. Они прямо в нашей комнате колются... В ложку высыпают наркотик, кипятят его закигалкой и колются. Друг другу уколы делают...

Отец нахмурился, задумался. Потом сказал:

– Когда я учился, тоже жил в общежитии. У нас на первом этаже была аптека. Так вот, однажды ночью в неё залезли воры и украли морфин. Было это еще в 1968 году. Так что, наркоманы были всегда. Не обращай внимания.

Я уехал на учебу.

Из шести человек, что проживали в нашей комнате, я приехал первым. В комнате было пусто, холодно, неуютно. Уезжая, кто-то выключил холодильник, который разморозился и теперь вонял. Я открыл дверцу холодильника. Почему-то в нем оказались только чьи-то ботинки сорок пятого размера.

«Наверное, холодильник выключили, чтоб ботинки тёплые были!» – с сарказмом подумал я и принялся его отмывать. На столе тоже стояла незнакомая мне сковородка.

В дверь постучали.

На пороге была девушка из соседней комнаты, которая училась на год старше.

– Здравствуйте, пацаны еще в пятницу у нас сковородку брали, картошку жарить. Я её заберу, потому что она нам

нужна. Где она?

– Я не знаю. Может быть, это ваша сковородка? – я указал на стол.

– Да, наша. Она мытая?

– Не знаю. Вряд ли...

Девушка подошла к столу и открыла крышку сковородки. Подгоревший лук и картошка, что застилили её дно, уже покрылись плесенью.

– Блин! Капец! Ва-аще уже...! – ругнулась девушка, взяла сковородку и, обиженно сморщив носик, вышла из комнаты. Потом вернулась, посмотрела на меня, увидев мою крапивницу на лице, спросила:

– А ты почему такой красный?

– Стыдно мне за грязную сковородку...

По одному начали приезжать пацаны, которые везли огромные баулы продуктов, вещей. Кто-то привез шторы, кто-то коврик, тарелки, ложки, постеры и прочую атрибутику студенческой жизни.

Оказалось, что однокурсник Ромка снял квартиру и переехал в неё ещё в субботу вечером. Мне же такое удовольствие было сильно не по карману, поэтому, стиснув зубы, я остался терпеть общагу со всеми её «прелестями».

Фарма

«Non est medicina, sine lingua latina» – гласила надпись над доской в аудитории фармакологии и латинского языка.

– А как эту фразу прочитать?

– Нон эст медицина, синэ лингва латина! – ответила преподаватель. – Нет медицины без латыни!

Началась Фармакология и Латынь. Вообще эти две дисциплины сильно связаны, не просто же так эту поговорку придумали всё-таки. Все названия препаратов дублировались на латинском языке. Даже сейчас, спустя уже двадцать лет после окончания медучилища, когда появляются новые препараты, я могу с определенной долей уверенности предположить, к какой группе этот препарат относится, услышав только его международное непатентованное название.

Не знаю почему, но мне сразу очень даже понравилась эти предметы, хотя большинство студентов сильно невзлюбили их. Я даже записался на кружок, который вела преподаватель фармакологии. Странная она была немного.

– Как назовем наш кружок? – спросила она.

– Конваллярия майалис! (ландыш майский) – выкрикнул я.

– Ой... Как приятно! – отреагировала преподаватель. – «Пять» на семинаре поставлю! Как ваша фамилия?

– Березин, – смущаясь, ответил я.

Вообще, на этот кружок со всего курса записалось примерно семь-восемь человек. С параллельной группы на него стал ходить парень, которому в тот момент было уже двадцать два года. Вид он имел хмурый, суровый, ростом был под два метра, весом около сотни килограмм. Для нас, шестнадцати-семнадцатилетних он был просто жутко взрослым и страшным.

Работа в кружке по фармакологии была построена следующим образом.

Например, сегодня тема: витамины.

Нас разделили на три группы:

- пациенты;
- врачи;
- аптекари.

«Пациентам» выдали карточки в которых были описаны жалобы, возникающие у людей при недостатке того или иного витамина. Вот эти жалобы и должны были «пациенты» предъявить «врачу».

«Врач», учитывая эти жалобы, должен был определить, что это за патология такая у пациента, выписать рецепт (на латыни естественно!), и отправить больного в аптеку. Ещё «врачам» выдали инструкции от различных препаратов и поливитаминов, которые можно было изучать, назначая то или иное лечение.

«Аптекарям» выдали пустые коробочки из-под всяких лекарств, таблеток, ампул.

Аптекарь, должен взять рецепт, проверить его и, если всё правильно, выдать лекарство-коробочку пациенту.

Я попал в группу «врачи». Хотя какая группа? Один я и стал «врачом».

Хмурый парень и его худой лысый одноклассник попали в «Аптекари». Девушки согласились быть пациентками. Все так здорово вжились в роли, и создалась такая дружеская атмосфера, что я реально впервые в жизни почувствовал на себе какую-то ответственность за чужое здоровье.

– Вы знаете, доктор, – говорила мне «пациентка», – что-то я в последнее время нервничаю сильно, да и слабость какая-то у меня, всё меня раздражает, все не нравится, ничем мне не угодить... Бесит всё, в общем.

Это сейчас, я, матёрый фельдшер, сразу же предположил бы «Синдром обнаглевшей бабы», а тогда я даже слово «анамнез» не знал. Надо как-то выяснять что-то подробнее, вопросы, наверное, какие-то задавать надо.

– Что-то ещё, может быть..., вас беспокоит? – как-то нелепо спросил я.

И вдруг, как-то само по себе, у меня выскочило:

– Может быть, вы беременны?

Вся аудитория, услышав мой вопрос, затихла.

Девушка тут же покраснела, опустила глаза в «карточку с жалобами», что-то прочитала в ней, потом, не поднимая глаз так робко-робко и испуганно прошептала:

– Да-а...

Мне, блин, самому стало не по себе от такого прямого вопроса и откровения на него. А девушка, так вообще, как будто отцу родному призналась в порочной беременности! Потом она взяла себя в руки:

– А ещё у меня «заеды» появились! («Заеды» – трещинки в уголках рта, возникающие при недостатке витаминов группы «В»).

Я уставился на её губы. Естественно никаких «заездов» я там не обнаружил, но сделал вид, что обнаружил.

– А! Так у вас недостаток витаминов группы «В»! – сказал я. – И вообще, учитывая ваше положение, да ещё и недостаток витаминов, плюс учёба в медучилище, плохое питание в общежитии, я назначу вам комплекс витаминов под названием...

Я перебирал инструкции от препаратов. Из всех мне попалась только инструкция от поливитаминного комплекса под названием «Олиговит».

«Вот его-то я и назначу! – подумал я. – А что? И рецепт проще писать. Никаких дозировок, смешиваний и прочего.

Recipe: Dragee «Oligovit»

Da tales doses N 30

Signa: по 1 драже 1 раз в день».

«Recipe» – возьми, «Da tales doses» – выдай таких доз, «Signa» – обозначь, отметь.

Мне осталось только узнать, есть ли «Олиговит» в «аптеке», поэтому я, обернувшись крикнул «аптекарям», сидев-

шим на задней парте:

– У вас в аптеке «Олиговит» есть?

Хмурый парень, просмотрев все коробочки из-под лекарств, Олиговита видимо, не нашёл. В это время, его лысый худой одноклассник сидел рядом с ним, с отсутствующим видом и нелепой физиономией. Хмурый, глянув на лысого ответил мне:

– Олиговита нет, есть олигофрен! Рядом сидит!

Кроме самого лысого, все, кто были в аудитории грохнули смехом. Смеялась даже преподаватель.

После кружка, хмурый парень подошёл ко мне и протянул руку:

– Родион. Можно просто – Родя!

– Дима, – ответил я, пожимая ему руку, – можно просто – Березин.

Чайник

Кружок по фармакологии под названием «Convallaria majalis» закончился поздно.

– Пошли покурим? – предложил Родион.

– Пойдем! – ответил я.

Разговорились. Оказалось, что Родион не такой уж и страшный, а вполне себе адекватный и здравомыслящий человек. Он поступил в медучилище ещё в прошлом году, но у него что-то случилось, и он ушёл в «академ», а теперь вот снова пришёл учиться. Живёт он в 313-ой комнате, которая находилась как раз под нашей комнатой. На тот момент ему было двадцать два года. Родом он был из одной знаменитой деревни, которая находилась в районе ВУРСа (Восточно-Уральский радиоактивный след).

– А ты откуда, Березин?

– Из глухой деревни. Даже в соседнем селе не все знают о её существовании.

– Бывает, – просто ответил он и затушил окурок. – Пошли, что ли, в общагу? Жрать хочется! Ты готовить умеешь?

– Не-а...

– Пойдем. Научу тебя суп варить, только сначала надо продуктов найти.

Я принёс картошку, морковку и лук, Родион принес мясо и лапшу, где-то нашли немного растительного масла и ка-

ких-то специй.

«Кубовуха» на этаже была одна, имела две с половиной электрических плиты на десять конфорок. После занятий все толпились в кубовухе, пытаясь приготовить покусать или вскипятить кипятка, для того чтобы заварить быструю лапшу или просто попить чаю. Протолкнуться в ней было почти невозможно.

– Режешь мясо кусочками, кидаешь в кастрюлю, заливаешь на две трети водой, ставишь вариться, – говорил Родион, орудуя ножом. – Пока мясо закипает, чистишь картошку и нарезаешь кубиками. Мясо закипело, кидаешь туда картошку, снова ждешь, когда закипит. Морковь прогоняешь через тёрку, обжариваешь её с луком до золотистой корочки на сковороде. За это время мясо с картошкой закипело. Помешивая, на медленном огне варишь мясо с картошкой примерно полчаса, потом кидаешь туда горсть лапши и помешивая доводишь до кипения. Посолить не забудь. Покипело пять-семь минут, лапша разварилась – можно выключать плиту и добавлять нашу обжарку лука с морковкой. Специи по вкусу.

– И как называется такой суп?

– Этот суп называется «Холостяцкий» – сказал Родион, когда мы сели ужинать.

– Почему «Холостяцкий»? – спросил я.

– Подрастешь, поймёшь.

В тот вечер я впервые за весь срок обучения почувствовал

себя сытым.

Я думал, почему, проживая с родителями семнадцать лет, я не научился готовить такой простой и вкусный суп, а здесь, в общежитии, я научился за один день? Наверное, потому, что голод – самая эффективная мотивация к действию.

...

В холле общежития мы слышали звуки гитары.

– В общегае гитара есть? – удивился я.

– А ты умеешь играть?

– Ну так, чуть-чуть..

– Пошли!

Если честно, то играл на гитаре я не очень хорошо. Сносно умел сыграть пару-тройку песен, которые подбирались пятью стандартными аккордами шестиструнной гитары. Но одна песня у меня все же получалась нормально. Я по сей день не знаю кто её автор и её настоящее название. Называл я её по первым строчкам первого куплета «На карте в белом платье едешь ты...».

Слезливая такая песня о том, как девушка, бросив парня вышла замуж за другого, и теперь этот парень, страдая, поёт о том, что «рады за тебя все твои друзья, только в этот вечер грустен я... На карте в белом платье едешь ты...»

– Сыграешь? – спросил меня Родион.

Я взял гитару, присел в холле и запел эту песню. Не знаю почему, но так душевно, как в тот раз, я не пел никогда (пятая ступень пирамиды Маслоу?). В холле собралось человек

двадцать. Парни молча слушали, некоторые девушки всхлипывали и вытирали слёзы. Когда я закончил играть, мне стали аплодировать.

Обстановка в общежитии стала для меня более или менее сносной.

...

Из четырёх этажей общежития заселены были только третий и четвертый. Второй этаж занимала доклиника, где на манекенах мы учились делать те или иные манипуляции, а на первом этаже находилась библиотека, актовый зал, кастаньяна и единственный на всё общежитие туалет, в котором были два места, представленные чашами Генуя. Вечером перед отбоем, в туалет была дикая очередь. В кабинку входили по два однополых студента и делали свои дела. Выглядело это забавно. Сначала, из всей толпы надо было найти себе пару одного с тобой пола, потом выяснить у него цель посещения туалета: «по-большому» он туда собрался или «по-маленькому»?

Если вдруг, в образовавшейся паре поставленные цели не совпадали, то приходилось расставаться и искать себе пару по предстоящему интересу. На деле же всё выглядело до безобразия ужасно.

– Пацаны! Кто ср@ть идёт? – кричал кто-то из парней в толпу, стоящую в коридоре перед туалетом.

– Я! – отвечал ему кто-нибудь из толпы.

– Меня с собой возьмёшь?

– Не. Со мной уже Серёга сёрет!

– Блин! – сокрушался не нашедший себе пару. – Мне что, одному что ли ср@ть идти?

– Да не переживай ты! – успокаивали его. – Пока твоя очередь подойдёт, по-любому ещё кто-нибудь надумает!

Или, чтоб не кричать, кто-то из студентов подходил к другому и молча показывал ему небольшое расстояние между большим и указательным пальцем: «По-маленькому?» – читался вопрос в его глазах.

– Во! – отвечал другой и показывал жест ладонью от пола до живота, обозначая, что он идет в туалет «по-большому».

А потом, мы действительно задаёмся вопросом: «куда девается чувство стыда у медиков?» Да уж. Все проблемы реализации физиологических потребностей нам пришлось испытать на собственной шкуре.

...

Наступил ноябрь. В нашей комнате было очень холодно. Чугунные батареи были чуть тёплыми, окна имели щели, через которые в комнату тянуло холодом. Проклейка щелей скотчем, бумагой или тряпками не помогала – от окна все равно тянуло холодом, поэтому одно окно мы полностью затянули покрывалом. Спать приходилось в одежде. Зато утром, можно было не умываться холодной водой – скинул с себя одеяло и уже бодрый!

...

– 413-я подъём! Услышал я среди ночи знакомый голос

и громкий стук в дверь. Били ногой так, что дверь того и гляди могла вылететь.

Я поднялся и открыл дверь. Это был снова Фаза со своими шестёрками. Лицо его было искажено гримасой боли, на лбу проступили мелкие капельки пота, руки тряслись – у Фазы был абстинентный синдром.

– Денег дай! – прошипел он. – Видишь, «кумарит» меня!

– У меня нет.

– Да-ай! – отчаянно крикнул он и махнул рукой, целясь мне в шею.

Я увернулся.

Его рука, не попав по шее, скользнула мне по левой половине грудной клетки. Я почувствовал какую-то резкую, жгучую боль и посмотрел в то место. Моя фланелевая клетчатая рубашка в области левого нагрудного кармана была разрезана и уже окрашивалась темной кровью. Оказалось, что Фаза замахнулся на меня лезвием.

– Алик! Брось лезвие! Ты что, гонишь?! – сказал его дружок Тимур и схватил Фазу за руку, пытаясь отобрать у него лезвие.

Лезвие от бритвенного станка выскочило из руки, звякнуло об пол. Тимур отпустил Фазу и потянулся за лезвием.

– Дай! – снова крикнул Фаза и ударил меня в лицо кулаком.

Удар я пропустил, потому что следил за лезвием. Во рту появился привкус соленой крови от разбитой губы. Я сделал

шаг назад. Фаза, надвигаясь на меня, смотрел каким-то звериным взглядом.

Даже сейчас, я не помню, как мне в руку попался керамический заварочный чайник, подаренный мне сестрой. Видимо, он стоял на столе, слева от меня.

Удар этим чайником пришелся в область правого виска Фазы. Чайник разлетелся вдребезги, забрызгав стены и висевший на вешалке медицинский халат остатками заварки. Фаза, как подкошенный, с грохотом упал на пол. Он тут же попытался подняться, но снова упал. Я отступил ещё на шаг, ожидая нападения его шестёрок, но увидел, что в дверях появился кто-то еще.

В дверях стоял Родион.

Увидев мой взгляд, обращённый в сторону двери, шестёрки резко испуганно обернулись. Родион каким-то спокойным, изучающим взглядом осматривал произошедшее. Самый высокий из шестерок-старшекурсников был Родиону ростом по плечо.

– Родя..., тут это..., короче..., Димон Фазу вырубил! – бессовестно, по-шакальи «заблеял» Тимур. – Вот, видишь?

Фаза сидел на полу и стонал, держась за голову. Родион также спокойно посмотрел на Фазу.

– Вы его приберите, куда-нибудь, – уверенным спокойным голосом сказал он.

Шестёрки засуетились, как по команде:

– Алик вставай! Пойдем. Пойдем-пойдем! Тебе холод

к голове приложить надо. Пойдем!

Они подхватили Фазу под руки и вывели его из комнаты.

Родион прошёлся взглядом по пятнам заварки на стене и халате, посмотрел на пол, по которому разлетелись куски керамики от чайника, потом посмотрел на меня.

– Снимай рубашку. Надо рану осмотреть. И положи уже ручку.

Я посмотрел на свою левую руку так, как будто она была чужая. В кулаке была зажата ручка от разбитого чайника. Я бросил её на пол.

На груди слева была небольшая резаная рана, с ровными краями и длиной примерно три-четыре сантиметра.

– Он ему шею лезвием хотел порезать! – наперебой начали говорить пацаны, до этого сидевшие молча.

В соседней комнате у девчонок нашлась перекись водорода, зелёнка, лейкопластырь.

Когда Родион обработал и залепил мне рану, то почему-то засмеялся.

– Что, Родя? – спросил я. – Что тебе тут смешным кажется?

– Да так, – улыбаясь, ответил он. – Просто получилось «чайником по чайнику...»

Упал

– Чайником по чайнику! – засмеялись пацаны.

Родион тоже улыбался. Глядя на них, и я стал смеяться, держась за разбитую губу.

– Ты где научился раны-то обрабатывать? – смеясь, спросил я у Родиона. – Неотложка только на следующий год будет.

Родион тут же снова стал хмурым:

– На войне...

Пацаны, что смеялись, сразу же заткнулись, а меня даже дыхание остановилось.

– На... войне? – не своим голосом спросил я и, не моргая, уставился на Родика.

– Такие вот дела..., брат, – сказал он.

Мы все молчали.

– Так, всё! Отбой! – резко скомандовал он, встал и направился в сторону выхода. – Утром подъём в семь О-О!

– Родя, а он не умрёт? – спросил я ему в след, имея ввиду травмированного Фазу.

Родион остановился, повернул голову в сторону моего испачканного халата.

– Умрёт, – ответил он абсолютно серьезно. – И я умру, и ты. Все мы умрём... Но не сегодня!

...

Мне не спалось почти всю ночь. Мало того, что губа разбитая болела и голова гудела, так ещё и мысли в неё лезли всякие.

«А что, если он действительно умрёт? – думал я. – Ему ведь в область височной кости прилетело, а кость эта хрупкая, мы же по анатомии проходили. *Os temporale* она на латыни называется».

Терзаемый своими мыслями я думал, что сейчас подъедет к общаге скорая, потом милиция, меня увезут начнут допрашивать и тому подобное. Потом я подумал: наверное, Родион уже проведал подбитого Фазу, а если до сих пор он не пришел сообщить мне дурную весть, то значит, что с Фазой все относительно нормально.

А ещё, ко мне пришло понимание, что детство моё кончилось. Сурово, страшно и одномоментно. Всё. Началась суровая взрослая жизнь. Теперь только от меня зависит, как сложится моя дальнейшая судьба. Теперь я сам за себя. Пацаны, что проживали со мной в комнате и были очевидцами произошедшего конфликта, мне ясно дали понять, что надеяться надо только на себя. От осознания этого факта, мне стало ещё горестнее, чем от мыслей про раненого в голову, и во всю голову, Фазу.

Наконец, я заснул.

...

– Димон! Димон! Димон! – кто-то толкал меня за плечо. Сердце моё бешено заколотилось, кровь ударила в голову,

по телу поползли мурашки, появилась неприятная дрожь. Я, ещё не открыв глаза, подумал, что Фаза преставился и теперь мне конец.

– Димон, вставай! Мы на анатомию проспали! Через десять минут звонок! – Меня будил однокурсник по имени Вадим.

«Тьфу, блин! – облегчённо подумал я, открывая глаза и вставая с постели. – Анатомию проспали! Подумаешь, пустяк какой!»

– Йо-о-о ма-йо-о..., – протянул Вадим, глядя на меня. – Иди в зеркало посмотри на себя.

Если честно, то я уже сам ощущал, что с лицом моим что-то не так. Я подошёл к зеркалу. Под обоими глазами были синяки, один глаз почти полностью заплыл, губа опухла.

В комнату зашёл Родион. Посмотрел на меня.

– Ну что, братуха? Хреново на белый свет одним глазом смотреть? – спросил он и засмеялся. – Ты сейчас на молодого Тамерлана похож!

Стало немного веселее.

– Да не такой уж он и белый, этот свет! – ответил я, вспоминая свои ночные рассуждения. – Не пойду на занятия! Морда разбита, халат грязный. Не пойду.

– Вот халат, – протянул он мне чей-то халат. – Надевай и дуй на занятия, пропускать нельзя. «Отработки» платные. Или у тебя денег не меряно?

Это была правда. Все пропущенные темы и двойки необ-

ходимо было закрыть, сдать. Это даже не обсуждалось. Как это так, если фельдшер не будет знать чего-то из преподаваемой программы? Поэтому отрабатывались все темы без исключения. Единственное отличие было в том, что если пропуск был по уважительной причине, то «отработка» была бесплатной, а если пропустил по неуважительной причине, то, соответственно, надо было идти в бухгалтерию, платить пять рублей за каждую «ЭНку», и с квитанцией идти к преподавателю, но не в любое время, а когда преподаватель назначит. К слову, на пять рублей в 1999 году можно было купить булку хлеба или пачку сигарет под названием «Балканская звезда» или просто «Балканка»

Перспектива вырисовывалась не очень радужной, поэтому, горестно вздохнув, я взял халат.

– Чей? – спросил я, надевая его.

– Шестерки Фазы любезно предоставили. Пошли!

...

Преподаватель анатомии в прошлом была судмедэкспертом. По крайней мере такие слухи ходили про неё. Перед её лекцией она всегда сидела за столом и провожала взглядом каждого входящего студента.

Зашёл подбитый я.

Ни один мускул на её лице не дрогнул, но она остановила меня жестом руки. Все присутствующие уже знали о моем ночном происшествии, а теперь, увидев, что меня остановила преподаватель, затихли.

Преподаватель, не вставая с места смотрела на меня.

– У вас проблемы? – спросила она.

«Какие проблемы? Ах, это? Это просто сначала мне чуть горло не перерезали, а потом я чуть чайником не убил наркомана. Мелочи...»

– Всё нормально, – ответил я. – Упал. На лестнице...

– Да-да, – наперебой начали говорить девчонки в аудитории, – мы видели! Он споткнулся...

Говорили они так искренне, что даже я поверил. Может, правда? Может, я действительно упал и мне всё приснилось? Нет. Халат на мне чужой, потому что мой испачкан заваркой.

– Проходите, – сказала преподаватель.

«Упал, – думал я. – Почему всегда, что бы не случилось, какие бы травмы не были на теле, всегда – УПАЛ? Да никто и никогда не верит этому „упал“, а тут преподаватель анатомии, да еще бывший судмедэксперт...».

Прозвенел звонок. В аудитории повисла тишина.

– Иногда жизнь преподносит нам испытания, – посмотрев на меня, начала лекцию преподаватель. – Как раз для прохождения этих испытаний и предназначена наша нервная система. Итак, тема нашей лекции «Нервная система человека».

Морг

Гулька догулялась. Забеременела неизвестно от кого и когда. Знала только как, но тоже толком не помнила. Все пьянки-гулянки в родной деревне, да и не только в родной, не проходили без её участия. И надо же, до 29 лет дождала, не беременела, а тут вдруг как говорится: на тебе!

Нормальные женщины узнают (предполагают) о своей беременности с первого дня задержки менструации. Гульке же было «глубоко фиолетов» её женский цикл – она бухала. Поэтому, когда она почувствовала какое-то непонятное движение в животе, то подумала, что её живот пучит от «дошираков» и капусты, но подруга-соседка намекнула, что неплохо бы и тест на беременность сделать. Тест оказался положительным.

– Да у тебя уже как минимум половина беременности прошла! – сказала соседка. – Никакого аборта тебе не сделает никто. Поздно!

Гулька родила. Родила маленького и слабенького мальчика, который прожил всего двадцать восемь дней.

...

Преподавателя анатомии боялись все студенты первого курса. Боялись отсутствия её эмоций, боялись её строгого взгляда, боялись её знаний по преподаваемой ею дисциплине, боялись её требований, боялись семинаров, зачётов

и предстоящего экзамена в конце курса. На её лекциях никто не шумел, все безумно писали конспекты и не переговаривались. Что уж говорить, но Анатомия – это главная дисциплина первого курса. Это основа медицины.

Мне, после ночного приключения была безразлична писанина, поэтому я не стал писать, а просто слушал. То ли лекция была интересной, то ли мне «лампочку ночью стрясли», но именно тогда я открыл у себя способность запоминать большие объемы информации без конспектирования. Я даже сам удивился.

Когда лекция по анатомии закончилась, какая-то сила меня толкнула к преподавателю. Я подошёл к ней и выпалил:

– Фаина Васильевна, а когда мы в морг пойдем?

Несколько студентов и студенток остановились и, пользуясь моментом, тоже стали просить:

– Да-да! Мы очень-очень хотим на вскрытие.

Фаина Васильевна флегматично ответила:

– Морг в нашей ЦРБ не такой уж и большой. Секционный стол в нем только один, поэтому можно прийти небольшой группой, по четыре-пять человек.

– Я! Я пойду! – наперебой стали выкрикивать студенты.

– Выберите студентов, которые могут пойти с вами, – сказала преподаватель, глядя на меня. – Завтра.

«Напросился, блин! – подумал я. – Я всего лишь на вскрытие хотел сходить, а тут меня ответственным назначили!» Но, не до конца выбитый из меня, здравый рассудок подска-

зал мне, что «сдавать назад» некрасиво, да еще и перед преподавателем анатомии.

...

На следующий день мы отправились в морг. Несмотря на такой ажиотаж вчера, в действительности смогли пойти на вскрытие только я, съехавший из общаги Ромка и две девушки-однорукпницы.

Больничный морг представлял из себя маленькое отдельно стоящее одноэтажное здание. В нем было три окна и два входа.

Подойдя к двери, я постучался. Тишина. Постучал ещё раз. Послышались шаги. Дверь открыл парень, на котором был грязно-зелёного цвета фартук, сделанный из подкладной пеленки. Парень нелюдимым взглядом осмотрел нас.

– На освидетельствование? – спросил он, кивнув на меня.

Я, если честно, не сразу понял, что он имел ввиду, поэтому ответил:

– Да.

– Направление где?

– Какое направление?

– Кто вас сюда направил?

– Нам Фаина Васильевна сказала, чтобы мы к этому времени подошли...

Парень засмеялся:

– Сказали бы сразу, что вы студенты! Я-то подумал, что вы его освидетельствовать привели! – он снова кивнул на меня,

имея ввиду мои травмы на лице. – Упал что ли?

– Упал, – подтвердил я его догадки.

– Александр, – представился он.

– Дмитрий, – ответил я и кивнул на остальных. – Это Ромка, Света и Таня.

– Проходите.

Парень, открывший нам дверь, работал в морге санитаром. Мы зашли. В нос ударил этот запах. Запах трупов. Уже на этом этапе все стало не по себе. Девчонки, что пришли с нами, сморщив физиономии, закрыли руками нос и рот. Мы с Ромкой держались. Негоже перед девчонками выглядеть слабыми.

Оказалось, что кроме патанатомических исследований, в морге осуществлялась и судебно-медицинская экспертиза. Вернее, наоборот. Основной функцией морга была именно судебно-медицинская экспертиза, а патанатомические исследования как дополнение ко всему.

В секционной стоял большой стол из нержавеющей стали. По своему виду он напоминал кухонную мойку, только плоскую и вытянутую.

– Саша, кто там? – услышали мы мужской голос из соседней комнаты.

– Студенты пришли! – ответил Александр.

– О! – воскликнул голос. – Вовремя. Сейчас педиатр подойдёт и начнём!

Голос принадлежал патологоанатому. Звали его Алексей

Романович Загребельный.

Загребельный вышел из комнаты что-то жуя и потирая руки. Он только что пообедал. В морге, среди этого трупного запаха. Посмотрел на каждого из нас. Задержался взглядом на мне.

– Упал?

– Упал.

– Позавчера?

– Угу, – хмуро кивнул я, а сам подумал: «Профессионал!

По цвету гематомы определил время, которое прошло от момента травмы! Круто!»

Через несколько минут подошел заведующий педиатрическим отделением.

– Начнем? – спросил он.

– Неси, – обратился патологоанатом к Александру.

Александр вышел из секционной в соседнюю комнату, чем-то там щёлкнул, потом мы услышали звук выдвигаемого металлического ящика – это был холодильник для трупов. Когда Александр вернулся обратно, то я обратил внимание, что на его предплечье что-то лежит. Это был труп младенца.

Оказалось, что вскрывать предстояло ребенка, который прожил всего лишь двадцать восемь дней.

– Как его положить-то? – спросил он у Алексея.

– Так же, как и всегда, – ответил патологоанатом.

Александр положил малыша на стол. В тот момент, я понял, что таких испытаний проходить мне ещё не приходи-

лось. Нет, я, конечно же, видел мертвых людей, мне приходилось бывать на похоронах, но то были старые, больные люди, для которых смерть была логическим завершением жизни. Да, было жалко умершую бабушку или дедушку. Да, было не по себе, от осознания того, что жизнь наша имеет конец. Но ребенок? Совсем маленький мертвый ребенок? Как такое может быть?

Услышав слово «ребенок», мы представляем себе плач или смех, шум и визг, издаваемый и создаваемый этим ребенком. Чувствуем какое-то покровительство над ним, ответственность за него, а главное, мы испытываем радость. Радость от новой, пока еще такой маленькой, но уже такой большой жизни. Сейчас же я смотрел на бледного, воскового цвета, абсолютно недвижимого младенца, который лежал на огромном холодном столе из нержавеющей стали. Младенец лежал абсолютно голый, по-лягушачьи раскинув маленькие ножки. От этого мне становилось ещё холоднее и горестнее. Я посмотрел на девчонок. Они как будто ждали моего взгляда:

– Я не могу! – сказала одна и быстро пошла на улицу.

Вторая шаткой, но тоже быстрой походкой вышла следом. Мы с Ромкой остались.

Ребенка вскрыли. Вскрывали его не ножом и не скальпелем, а обычными ножницами. Даже его мягкий череп по швам между костями, где была нежная хрящевая ткань, тоже резали ножницами. От всех его маленьких органов бра-

лись кусочки тканей для лабораторных исследований. Причиной смерти выставили диагноз: субтотальная пневмония.

После вскрытия педиатр сказал:

– Надо провести конференцию для фельдшеров ФАПов. Чтоб не допускали подобного!

– Там ФАПа нет, – сказал молчавший до этого Ромка. – Я из этой деревни. И мамашку эту я знаю.

Мы вышли из морга.

– Больше не пойду, – сказал Ромка. – Ну его, к черту, этот морг. Так и с ума можно сойти. А ты? Пойдешь?

Я пожал плечами.

Отходняк

Помните те ощущения, когда болит голова и в неё лезут всякие мысли после какого-либо поступка? Типа: «Вот зачем я это сделал? Говорили же мне, чтоб не лез! Больше так не буду!»

Нет, это не угрызения совести. При угрызениях совести испытываешь стыд за совершённое или не совершённое деяние.

Но потом, вдруг внезапно для себя осознаешь: «А ведь пока не попробуешь сделать то, о чем уже поздно сожалеть, не откроешь для себя истины, не поймёшь, что и как устроено».

Ромка, пока мы шли до медучилища после вскрытия младенца, рассказывал про его непутевую мамашку, что-то ещё говорил. А я шагал и думал: «Вот ведь жизнь какой бывает: только начнется и тут же заканчивается. Мог ли младенец за эти двадцать восемь дней успеть понять её, эту самую жизнь. Мог ли он почувствовать любовь к своей непутёвой маме? Потом я стал думать: зачем я вообще пошел на это вскрытие? Зачем? Что я там увидел? Чему я там научился? Да ничему я там не научился! Я, конечно, поразился, хотя нет, я здорово так ужаснулся от увиденного, но с точки зрения анатомии, так необходимой мне для моего будущего, я ничему не научился. Теперь вот ещё и «отходняк» от уви-

денного. А ещё ведь сам попросился пойти на вскрытие!

Такой ход моих мыслей, задал мне какую-то неопределенность, и я спросил сам себя: «А что если ещё раз сходить на вскрытие?» И тут же ответил сам себе: «Ну да! Преподаватель меня назначила ответственным за посещение морга, в морге меня запомнили, потому что с синяками там был я один. Так что, в любом случае сейчас меня однокурсники засыплют вопросами, да и Фаине Васильевне ведь тоже надо доложить, что да как прошло...»

Решено. Я снова пойду на вскрытие, только уже с другой группой или даже один. Я должен учиться!

...

Преподаватель анатомии как всегда встречала нас своим флегматичным, инертным лицом. Я подошёл к ней.

– Здравствуйте. На вскрытии был двадцати восьмидневный младенец, умерший от субтотальной пневмонии...

– Жаль, – перебила меня преподаватель, – но зато, на детском вскрытии можно увидеть Тимус...

– Кстати, да, – теперь уже перебил преподавателя я. – Патологоанатом обратил наше внимание на вилочковую железу.

– Ещё пойдёте?

Я посмотрел ей в глаза. Где-то в глубине её флегматичного взгляда, я всё же заметил какой-то интерес.

– Пойду. Когда?

– Я сообщу.

(Тимус или вилочковая железа – это железа внутренней секреции, расположенная в средостении сразу за грудиной. Отвечает за выработку и обучение иммунных клеток и вырабатывает несколько видов гормонов, для правильной работы иммунитета. В период полового созревания Тимус значительно уменьшается в размерах, а к старости и вовсе может замещаться жировой тканью).

Через день я снова отправился на вскрытие. На этот раз мне «повезло». Было аж целых четыре вскрытия. Дедушка, скончавшийся от геморрагического инсульта, алкоголик с циррозом, который «умер от перепоя», молодой мужчина, погибший от ножевых ранений в шею и, доставленный с пожара, обгоревший труп мужчины неизвестного возраста.

Когда вскрывали обгоревшего, то в его дыхательных путях был обнаружен пепел, а это значит, что он его вдохнул, значит на момент пожара он был жив. Страшно.

...

– Куратор собрание объявила! – огорошили меня новостью, когда я вернулся в училище. – Старосту менять надо!

Старостой группы была девушка из местных. Её склочный характер постоянно приводил к конфликтам в группе, но не это было главное. Главным было то, что из-за её такого поведения, страдала общая успеваемость группы. Обучаясь в медицинском училище, я впервые в жизни столкнулся с таким феноменом как «женский коллектив».

«Одного не пойму, что ей не живётся спокойно? – думал

я, заходя в аудиторию. – Живёт у родителей, „как у Христа за пазухой“. Сытая, одетая, обутая. Так ведь нет! Надо рассорить всех, разругаться со всеми вдрызг». Тогда я сделал для себя вывод, что есть люди, которые питаются атмосферой конфликта. Им это надо на каком-то ментальном или, может быть, даже молекулярном уровне. Позже я очень часто сталкивался с подобными людьми. Да и сейчас, если честно, приходится.

– Тамара, – обратилась куратор к старосте, – мне поступают жалобы на твоё поведение. Причем эти жалобы не только от одноклассников, но и от преподавателей. Ты можешь нам что-то объяснить, может быть у тебя какие-то проблемы?

– Я не хочу быть старостой! Пусть сами попробуют! Что-то желающих на моё место я тут не вижу! – резко ответила Тамара и замолчала.

Куратор сделала расстроенно-удивлённое лицо, потом обратилась к группе:

– Кто за то, чтоб старостой был кто-то другой? – спросила куратор.

Почти все подняли руки. Мне же были безразличны все склоки и скандалы, которые происходили в группе из-за характера старосты, поэтому я воздержался. Мне учиться надо, мне скоро в общагу идти, мне надо пожрать что-то приготовить.

– Ну, теперь надо выбрать нового старосту. Я предлагаю кандидата, все голосуют. Отказаться от должности старо-

сты можно только по действительно объективным причинам, «не хочу» – это не причина... – начала говорить куратор.

«Блин, как же страшно сгореть заживо, – думал я про сегодняшние вскрытия, – хотя, наверное, он сначала надышался угарного газа, уснул, а потом уже сгорел. А этот алкоголь с циррозом? Да у него печень была похожа на заплесневевший гнилой апельсин! Бр-рр. А дед, что от кровоизлияния в мозг умер? У него крови в черепной коробке было, наверное, полстакана! Мужик зарезанный, бедняга. Ему нож прямо в сонную артерию воткнули! Скорая приехала только смерть констатировать...»

Думая про вскрытия, я, с каким-то неприятным чувством подумал, что становлюсь грубым и циничным.

– ... был Дима Березин? – услышал я слова куратора.

– Да! Да! – наперебой заголосили почти все одногруппники и подняли руки. Они смотрели на меня и улыбались.

– Что? – не понял я.

– Мы тебя выбираем старостой группы!

– ... твою мать! – вырвалось у меня.

Староста

– Да вы, блин, что? Совсем сдурели?! – возмутился я. – Какой, к черту, из меня староста?

– Дима, ты справишься! – наперебой стали голосить ребята. – Мы тебе помогать будем!

– Кстати, – сказала куратор, – за старосту положена доплата. Двадцать пять рублей.

– Вау! Круто! – негодовал я. – Что же не тридцать серебрянников-то, а?

– Язва ты, Березин! Что ты разворчался-то, как дед старый?

Никаких весомых доводов, для того, чтоб отказаться от должности старосты, у меня не оказалось.

– Ну и ладно, – махнул рукой я. – Через месяц сами взвоете от такого старосты.

– Поздравляю! – ехидно сказала бывшая староста. – На! Теперь тебе страдать!

Она протянула мне журнал нашей группы, пакет с зачётками, какие-то списки, документы. Сама же она демонстративно развернулась и вышла из аудитории. Группе только этого и надо было. Все остались довольны тем, что наказали её и начали расходиться. Только, на самом деле, наказанным от всей этой возни мышиной оказался я.

Я шел по переходу между общежитием и училищем. Фаза и его шестёрки сидели в переходе на корточках («на кортах»).

– Здорово! – поздоровались они со мной.

– Здорово, – ответил я и прошел мимо.

Фаза так и маячил в медучилище весь срок моего обучения, но больше со мной не связывался. Значительно позже, уже через несколько лет после окончания медучилища, я узнал, что Фаза трагически погиб страшной смертью на глазах у своих родителей.

...

– Родя, ты представляешь, я сегодня на четыре вскрытия попал! – хвастался я Родиону, пока мы готовили ужин.

– Угу...

– Там, короче, деда от кровоизлияния в головной мозг вскрывали, циррозника...

– Сходи, хлеба поищи? – перебил меня Родион. – А то суп почти готов. Как мы его без хлеба есть будем?

– Ладно, – сказал я и направился в сторону выхода из кубовухи, – а ещё меня сегодня старостой группы назначили.

– Вот! Про старосту и поговорим за ужином.

Родион уходил от разговора на тему вскрытия. Я ещё несколько раз пытался начать рассказывать, но он не слушал. Он уходил курить, потом подолгу молчал. Исходя из этого моего наблюдения, я сделал вывод, что эта тема ему сильно не по душе, поэтому прекратил все попытки обсуждать эту

тему.

...

Сели ужинать. Я начал возмущаться тем, что я теперь должен быть старостой. Родион, молча ел и изучающим взглядом старшего брата поглядывал на меня.

– Да, блин! Мне некогда заниматься делами группы! – возмущался я. – Когда я должен всё делать? Вот и сейчас надо журнал заполнить, оценки переписать в него, потом бегать за «преподом», чтоб он подписи свои поставил! А когда мне самому готовиться? Мне реферат надо писать по информатике на тему: «Компьютер – друг или враг?»

– Ты сегодня на вскрытии был? – перебил Родион.

– На четырёх!

– Успел посмотреть? Успел запомнить что-то?

– Угу...

Я подумал, что понял ход его мыслей и к чему он клонит. Подумал, что он сейчас скажет, что и с новыми испытаниями, в виде должности старосты я справлюсь, но разговор пошел в другую сторону.

– Полгода назад, ещё будучи школьником, ты мог себе представить, что будешь стремиться смотреть как режут мертвых людей?

– Не-а...

– А сейчас вот тебе интересно. А еще ты из этого интереса извлекаешь для себя пользу. Пользу, так необходимую тебе в твоём будущем! И теперь ответь мне, пожалуйста, на во-

прос: почему же ты, даже не попробовав поработать старостой, уже возмущаешься?

Я замолчал, соглашаясь с тем, что он сказал, но он решил меня вообще добить:

– Тебе родители сколько денег на неделю дают?

– Восемьдесят рублей.

– На проезд сколько уходит?

– Двадцать сюда, двадцать обратно...

– Лишние, что ли, тебе двадцать пять рублей в месяц?

Или, может быть, для твоих родителей это не деньги?

Я вспомнил, как отец, холодным осенним вечером приехал на мотоцикле из города, куда он ездил продавать картошку, чтоб добыть денег мне на неделю. Как он, расстегнув толстую фуфайку, откуда-то из внутреннего нагрудного кармана достал аккуратно сложенные купюры и протянул их мне. Наверное, он и сейчас снова уехал в город, чтоб раздобыть мне денег на следующую неделю.

– Суп доедай и пошли в библиотеку. Тебе над рефератом нужно поработать, а мне доклад надо по микробиологии, – сказал Родион.

Старостой я пробыл почти до окончания обучения. Ушёл не потому что надоело или устал, а потому, что на последнем курсе... Впрочем, обо всем по порядку.

Информатика.

Занятия по информатике в медучилище сводились у тому, чтобы научить нас элементарному пользованию компью-

тером. Научить печатать и редактировать тексты, таблицы. В школе, которую я закончил, информатика преподавалась ровно три занятия в пятом классе. Потом учитель ушла в первый декрет, следом во второй. Я как раз заканчивал школу, когда она вышла на работу. За те три занятия, мы успели пройти только язык Бейсик, причем «на пальцах», потому что компьютеров в школе не было. Поэтому для меня, да и не только для меня, была проблема не то что отредактировать текст, а просто хотя бы буквы на клавиатуре нужные отыскать! Я упорно не понимал, зачем мне, будущему фельдшеру, работать за компьютером. Как вообще можно РАБОТАТЬ ЗА КОМПЬЮТЕРОМ? (Забегая вперёд, скажу, что компьютером на работе я стал пользоваться только в 2011 году, когда уволился со скорой и пришёл работать на свою действующую «теперешнюю» работу).

Реферат защитил на «отлично». Вообще, став старостой, я заметил какое-то более лояльное отношение со стороны учителей. К оценке это автоматом добавляло один балл. Такое положение мне и нравилось, и не нравилось одновременно. Нравилось, потому что «докапываться» стали меньше, а не нравилось, потому что, вроде как готовился к зачёту или семинару, уверен в себе, а тебе ставят «отлично» потому что ты староста.

Генетика.

На одном из лабораторных занятий по Генетике нам выдали микроскопы и готовые препараты (предметные стекла

с уже закреплёнными на них покровными стеклышками. Наша задача была найти в этих препаратах клетку, в клетке ядро, и уже в ядре отыскать хромосомы и перерисовать их в тетрадь. Нам с Ромкой попался препарат с треснутым покровным стеклом, но какой-то «гений» заклеил его обычным скотчем.

Ромка принялся настраивать микроскоп, долго его крутил-вертел, наводил резкость.

– Готово! – сказал он и начал перерисовывать хромосомы в тетрадь.

Я в это время делал другое задание, поэтому в микроскоп не посмотрел. Случайно глянув в Ромкину тетрадь, я увидел, что он рисует какие-то завитки, кругляшки и овалы, но явно не хромосомы, которые, как известно похожи на букву «X», и, иногда, на букву «У».

– Ты что это рисуешь? – спросил я.

Сначала я подумал, что он перерисовывает какие-то оргanelлы клетки, типа митохондрий или комплекса Гольджи.

– Хромосомы! – уверенно ответил Ромка.

Я заглянул в микроскоп. Действительно, картинка, представшая передо мной, в точности соответствовала наносимому Ромкой рисунку. Я увидел какие-то непонятные линии, овалы, круги.

«Но это же не хромосомы! – подумал я и снова уставился в микроскоп, пытаюсь разобраться, что же это всё-таки такое.

Я стал крутить настройки микроскопа, пытаюсь навести

резкость и увеличение, как вдруг, я увидел клетки ткани. Именно так они и выглядели на рисунке в учебнике. А те линии и завитки, которые перерисовывал Ромка, были гораздо больше клеток. Резкость микроскопа никак не хотела настраиваться. Я вытащил предметное стекло и внимательно осмотрел его уже невооружённым глазом. Под тонким слоем скотча расположились мелкие-мелкие пузырьки воздуха. Некоторые пузырьки сливались в единую систему, образуя причудливый узор. Вот этот узор уже почти весь Ромка перерисовал в свою тетрадь.

– Рома-хромосома! Ты пузырьки воздуха под скотчем срисовал! – засмеялся я.

Ромка тоже смеялся:

– А ещё подумал, что хромосомы, вроде, по-другому выглядят...

...

Прошёл ещё один месяц обучения. Дело шло к новому году, а значит надо было подтянуть все «хвосты», сдать и закрыть все двойки и «энки». Долгими зимними вечерами я, чтобы не сходить с ума в общежитии, уходил в нашу библиотеку и читал там всю подряд медицинскую учебную литературу. Благо, библиотека работала до восьми вечера. Чтение и по сей день здорово помогает мне отвлечься от дурных мыслей, а иногда и принять верное решение.

...

– Стипендию дают! – забежав в аудиторию, крикнула од-

ногруппница Света. – За четыре месяца!

– Ураа! – зашумели все.

Стипендия в медучилище на момент моей учёбы в 1999 году составляла сто двадцать пять рублей. Хорошист или отличник получал повышенную стипендию, которая была на двадцать пять рублей больше. Староста получал доплату еще в размере двадцать пять рублей.

Целых шестьсот двадцать пять рублей я получил в кассе медучилища (по 150 за каждый месяц и зарплата старосты за месяц). Таких чувств от такого новогоднего подарка, я больше никогда не испытывал. Это было настолько здорово! И зачёты сдал, и каникулы впереди, аж десять дней, и домой поехал, да ещё и с деньгами! Родион был прав в том, что пока не попробуешь сделать что-то, не оценишь своих трудов.

Закончился первый семестр первого курса. Я ехал домой на Новый год.

(Следует внести небольшую ясность в историю. Роман это мой одноклассник, который съехал с общаги. Родион – это однокурсник, учился в параллельной группе и жил в общежитии. Тот самый, который научил меня готовить пищу, который стал для меня как старший брат).

Инъекции

Странно, но почему-то, несмотря на весело встреченный новый год и относительную беззаботность дома с родителями и друзьями, на третий или четвертый день такого времяпрепровождения, меня потянуло обратно на учебу и в общезжитие. Я, конечно же, гнал от себя эти мысли, но какая-то тоска всё же подъедала меня. Кое-как, дождавшись окончания каникул, я рванул на учебу. Приехал одним из первых. Занятия должны были начаться завтра, да и то со второй пары, поэтому приехало только несколько человек.

В общеаге было пусто, холодно и неудобно, пахло сыростью и испорченными продуктами. Возле нашей комнаты стояло четыре табуретки, которые были утеряны ещё в первом семестре. Видимо, за время каникул, комендант с вахтёром обошли все комнаты и, найдя наши табуретки в других комнатах, принесли их. Табуретки каждой комнаты, хоть и были подписаны, но от воровства это не спасало. В грязном холодильнике снова стояли чьи-то ботинки, а на столе немытая посуда.

Из дома я привез сушеных (вяленых) чебаков и окуней, которых наловил и завялил ещё летом, поэтому сейчас я решил сразу же сварить полную кастрюлю картошки в мундире. Пацаны приедут, а тут уже ужин готов!

Сначала, в конце коридора слышался какой-то грохот,

тяжёлые шаги и шорканье сумок-баулов об стены и двери. Потом я услышал рёв:

– Димо-о-н! Помоги-и-и!!!

Я выглянул в коридор. Родион, с ног до головы навьюченный сумками с провизией протискивался по коридору. Выглядело это так, как будто танк едет по узким улочкам, задевая здания.

– Я к вам в комнату переезжаю! – обрадовал он меня. – «Коменда» разрешила!

– Здорово! А я уже картохи сварганил!

Кое-как мы дотащили его баулы до комнаты. Родион, зайдя в комнату и посмотрев на свежесваренную картошку и сушёную рыбу с какой-то горечью в голосе сказал:

– Грешно...

– Что? – не понял я.

– Грешно такое кушанье без пива...

– Ну так ты ещё куртку-то не снял. Вообще не вижу проблемы тебе метнуться! – весело парировал я.

– Зачем метаться? – ответил Родион. – Я как знал, что рыба будет. Привёз!

Так мы отметили начало второго семестра первого курса: картошка в мундире, вяленая рыба и пиво.

Будучи старостой, мне пришлось плотно работать с учебным планом, поэтому я знал, что во втором семестре нам, первокурсникам, предстоит, как говорится, «оперившись,

встать на крыло». То есть, мы должны были научиться делать базовые манипуляции, и в апреле уже пойти на первую практику по «сестринскому делу». Поэтому во втором семестре мы очень плотно занялись отработкой манипуляций. Мечта первокурсника медицинского училища – сделать самостоятельно инъекцию. Вообще, считалось, что круче, чем сделать внутривенную инъекцию, ничего и быть не может. Сначала, все инъекции тренируются делать на манекенах и муляжах. Потом друг на друге. Естественно, под наблюдением преподавателя. С Ромкой мы были в одной бригаде, поэтому он колол мне, я колол ему. Первая инъекция была подкожная. Мы делали витамины группы «В» под кожу в область средней трети плеча. Вообще, витамины группы «В» сами по себе причиняют боль при введении, а уж неумелыми руками студентов, так вовсе. Когда Ромка вколол мне в плечо Пиридоксина гидрохлорид или, как его называют, витамин «В6», руку мою свело так, что аж мизинец скрутило.

– Я запомнил, как ты мне боль причинил! – шутя, сказал я Ромке. – Я отомщу!

Знал бы я тогда, что слова мои окажутся пророческими помимо моей воли.

Следующая инъекция, которую нам предстояло выполнить, была внутримышечная.

Внутримышечная инъекция, в основном, делается в верхненаружный квадрант ягодицы. Те муляжи, на которых мы тренировались, были, скорее всего, восьмидесятых годов вы-

пуска, и представляли из себя железную эмалированную жопу с резиновыми вставками в области верхненаружных квадрантов, куда и следовало колоть уколы. Естественно, за все годы беспощадной эксплуатации этих муляжей, резиновая вставка уже потеряла свою эластичность, стала твердой, плотной, с бесчисленным количеством следов от инъекций. При постановке укола в эту резину, приходилось, во-первых, прилагать довольно большое усилие, а во-вторых скорость нанесения укола шприцем должна была быть тоже соответствующей. Иначе, игла либогнулась, либо не погрузилась на нужную глубину. Вот эта самая дубовая резина и сыграла с Ромкой злую шутку, когда я делал первую, в своей жизни, внутримышечную инъекцию живому Ромке-человеку.

Потренировавшись на ненастоящих жопах, настало время тренировки на жопах настоящих, живых.

Все условия тренировки были максимально приближены к реальным. То есть на мне был и халат, и колпак, и перчатки, и маска.

– Ложись и заголяйся! – сказал я Ромке, уже держа наготове шприц.

– Боюсь, нафиг! – занял Ромка.

– Ложись, говорю, блин! – командовал я. – Ты думаешь, я не боюсь?

Ромка неохотно лёг на кушетку, задрал свой халат, припустил штаны.

Я, как и учили, смазал спиртовым шариком место инъекции (правильнее будет сказать – обработал инъекционное поле стерильным ватным шариком, смоченным 70% этиловым спиртом) и замахнулся шприцем. Моя рука, натренированная куском дубовой резины эмалированной жопы, привычно набрала необходимую скорость и силу, необходимые для внутримышечной инъекции...

– ХЛОП!!!

Игла с такой лёгкостью вошла в Ромкину ягодицу, что я даже не почувствовал никакого сопротивления тканей. Продолжая движение вглубь Ромкиного верхненаружного квадранта ягодицы, игла вошла полностью, но инерция руки продолжалась. Канюля одноразовой иглы упёрлась в кожу, образовав вмятину размером с тарелку для супа. Ромкина ягодица оказалась значительно мягче резины.

– УУУО-О-О-ОУУУУ-У-У!!! – взвыл обезумевший Ромка и выгнулся дугой, стараясь своим затылком достать до пяток, одновременно поворачивая голову назад, в надежде увидеть, что я ему там сделал. Я растерялся и отпустил шприц. Шприц качнулся влево-вправо и накренился, торча из несчастной ягодицы.

– А-а-а-а!!! – заорал Ромка еще громче, почему-то замотал головой и несколько раз в отчаянии или от боли, ударил кулаком свободной руки по кушетке. Второй рукой он так и держался за свои приспущенные штаны.

Слава Богу, на помощь пришла преподаватель. Она быст-

ро выдернула шприц из Ромки и прижала спиртовой шарик к месту инъекции.

– Прижми ватку! – сказала она Ромке и потянулась за нашатырём.

– Ох..., ох... – стонал Ромка лёжа на кушетке.

Я стоял бледный. Ноги мои дрожали, по спине тёк пот, хотелось закурить. А еще мне было стыдно. Мало того, что я не справился с манипуляцией внутримышечной инъекции, а вовсе причинил страдания здоровому, до этого момента, человеку-Ромке. Когда он более или менее отошёл от болевого синдрома и посмотрел на меня, то в его взгляде был вопрос: «За что?»

– Ромчик, прости, – начал мямлить я. – Просто ты мягче оказался, чем я та жопа... Но я тебе укол делать не дамся.

...

Внутривенную инъекцию делать нам не пришлось. Началась эпидемия гриппа, и в училище объявили карантин, потом заболела преподаватель. В итоге, перед самой практикой, мы только потренировались попадать в вену на муляже, который представлял из себя пластиковую руку с накладкой, в которой были резиновые трубки, наполненные раствором калия перманганата («марганцовки»). При попадании в вену-трубку, требовалось потянуть поршень на себя. Окрашивающийся в красный цвет раствор в шприце сигнализировал о попадании в вену. Но то была неживая резиновая трубка, не обладающая гладкой мускулатурой, которая, сжимаясь

от боли, заставляет «сниматься» вену с иглы. С этим механизмом мне ещё предстояло столкнуться.

На первую практику в качестве помощника медсестры стационара, я поехал в нашу сельскую участковую больницу, что находилась в соседнем селе, в котором я закончил школу.

Практикант

Первая практика представляла из себя работу в каком-либо отделении в качестве помощника медсестры. Для прохождения практики я поехал в нашу сельскую участковую больницу, находившуюся в соседнем селе. Село это было центральным отделением бывшего совхоза. Стационар участковой больницы имел около двадцати коек круглосуточного пребывания и около десяти коек дневного стационара. В основном, на стационарном лечении находились больные терапевтического и неврологического профиля, а также, лечились от простудных заболеваний дети и несколько больных, по поводу нетерапевтической патологии: облитерирующий атеросклероз сосудов нижних конечностей, хронический остеомиелит бедра (этому больному необходимо было делать несколько раз в день перевязки и круглосуточно делать антибиотики).

Заведовал больницей врач, в стационаре по графику работали медсестры. На одну медсестру были возложены все обязанности присущие для стационара, а именно выполнение врачебных назначений, дезинфекция и стерилизация, контроль работы младшего медицинского персонала.

...

Я зашёл в кабинет, где сменялись медсестры.

– Здравствуйте! Я к вам на практику!

– Ой! – обрадовались они. – Помощь пришла! Что умеешь делать?

– Ничего не умею! – обрадовал я их. – Вот и пришёл учиться!

– Ну пойдем! Учиться будешь. – сказала мне медсестра по имени Евгения. – Утренние антибиотики сделаны ещё в шесть утра, сейчас таблетки будем собирать по назначениям на обед, а потом «десятичасовые» назначения пойдем колоть. Делал когда-нибудь внутривенные инъекции?

– Конечно! – весело ответил я. – Но только на пластмас-совой руке в резиновую трубку!

В процедурном кабинете было светло и просторно. В центре кабинета стояла обычная тумбочка, рядом с ней стоял табурет. На тумбочке лежал резиновый жгут-трубочка и валик, сшитый из подкладной клеёнки. Валик этот прокладывался под локтевой сустав пациента, для максимального разгибания руки при внутривенной инъекции.

Первым пациентом, вошедшим в процедурный кабинет, был восьмидесятишестилетний дедушка, который страдал поясничным остеохондрозом. Несколько дней назад он пошел в гараж, наклонился, чтобы открыть замок, и больше не разогнулся. Боль возникла внезапно и так резко, что шевелиться стало больно и страшно. Так, скрюченного и с ключом от гаража в руках, его и привезла скорая.

Ему было назначено нестероидное противовоспалительное средство внутримышечно и никотиновая кислота внут-

ривенно, по схеме 2-4-6-8-10-8-6-4-2.

– Сделаешь? – спросила меня Евгения.

– Сделаю, – ответил я, а сам уже думал:

«Больному надо сделать два укола. Один внутримышечно, второй внутривенно. Какой делать в первую очередь? Если я ему сделаю внутривенный, то после укола, он, удерживая ватку в области локтевого сгиба, не сможет приспустить штаны, для внутримышечной инъекции. Очевидно, что надо сначала сделать внутримышечную инъекцию.

– У нас тут сегодня практикант, – обратилась медсестра к больному. – Можно он вам укол сделает?

Дед прищурился, посмотрел на меня хитро-хитро, потом сказал:

– Конечно! Пускай учится! Мы-то уж пожилы, на ком ему ещё тренироваться-то...

– Ой, да ладно! – перебила его Евгения. – Пожили они! Жить, да жить вам ещё! Сейчас вашу спину вылечим, да поскочете к бабушке своей!

Деду явно пришлось по душе такой ответ. Он заулыбался, повернулся и оголил ягодицу. Внутримышечную инъекцию я сделал без проблем. Наученный горьким опытом, я, выполняя инъекцию, уже знал, что человек мягче, чем резина.

– Держите ватку! – сказал я.

– Ну вот! – сказала Евгения. А говоришь, что не умеешь! Давай в вену. Садитесь!

Дед выбросил ватку в банку на которой было написано

«Для использованных ватных шариков» и уселся на табурет.
– От «никотинки» становится жарко, – говорила мне Евгения.

«Да ё-моё, а! – со злостью подумал я. – Итак, „мандраж“ всего пробирает, а ещё и препарат тяжёлый!».

Но назад пути не было.

Сегодня больному в вену надо было сделать восемь миллилитров никотиновой кислоты.

– Кладите руку на валик.

Жгут на плечо, вена надулась. В области локтевого сгиба больного уже были следы от инъекций.

Евгения, увидев мою нерешительность, сказала:

– Вот рядышком и коли.

Она имела ввиду то, что укол нужно делать рядом со следами прошлых инъекций.

«Так..., как учили: натягиваем кожу над веной, прижимаем вену, игла с максимальным уклоном..., прокалываем кожу, движемся дальше..., упираемся в вену...» – про себя проговаривал я.

Раз! И игла ощутимо провалилась в пустоту, а в канюле появилась темная кровь.

– Попал, – сказала Евгения. – Теперь ещё немного пройди вперёд, чтоб вена с иглы не слезла.

Легко сказать: «Пройди вперёд!». А если я вену насквозь проколю?! А? Но вену, слава Богу, я не проколол. Продвившись еще около сантиметра вперёд, я остановил движе-

ние шприца и потянул поршень на себя. Темная кровь густым контрастным облачком ворвалась в прозрачный лекарственный раствор, а через мгновение все содержимое шприца стало темно-красного цвета.

– Всё правильно, – сказала медсестра. – Можно вводить.

Эту внутривенную инъекцию я выполнял, наверное, целую вечность. Ноги мои «задубели и задеревенели», спину и шею заклинило, на лбу проступил пот. Мне доверили человека. ЖИВОГО Человека.

– Мы, вот..., – начал говорить больной, – на войне-то с фашистами здоровье потеряли. Теперь, вот, расплачиваться приходится!

«Ничего себе! Здоровье они потеряли!!! Мне восемнадцать лет, и у меня сейчас спина отсохнет к чертовой матери, а ему восемьдесят шесть, и он в гараж еще ходит! Хотя... Говори, дед. Говори! – думал я, – мне глаз не оторвать от места инъекции, чтоб посмотреть на тебя – живой ты там или нет? А раз говоришь, значит живой!»

Евгения, внимательно наблюдая за моими действиями, решила поддержать разговор.

– А вы зачем в гараж-то пошли?

– Дык, чекушка у меня там!

«Блин! У него здоровья на пьянство еще хватает! Да ему эта никотинка «как слону дробинка!»

Когда все лекарство было введено, я прижал ватку к месту укола и выдернул иглу.

– Прижмите крепче. Чтоб синяка не было, – каким-то не своим голосом сказал я.

– Нормально! Даже жарко сегодня не было. Вам у него учиться надо! – весело сказал дед медсестре.

– Конечно не будет жарко, вам его так медленно делали!

В процедурку вошла бабушка.

– А мне Уфилин (эуфиллин) надо!

– Сделаешь? – спросила Евгения.

– Сделаю!

Эуфиллин делается только внутривенно, быстро его вводить нельзя, потому что он вызывает тахикардию и прочие симптомы, поэтому я, выполняя эту инъекцию уже стоял немного поудобнее. У бабушки вены оказались гораздо хуже, чем у деда. Она страдала бронхиальной астмой уже лет тридцать. За это время ее организм принял столько уколов и капельниц, что стенки ее сосудов превратились в сплошные рубцы. Вот тут-то и пригодился опыт внутривенных инъекций на резиновых трубках! Только вот вена, несмотря на ее грубость и утраченную эластичность, все-таки была живой. Она упорно сползала с иглы, и под кожу попало небольшое количество лекарства. Бабуля взвыла:

– Ой, печёт!

Я продвинул иглу глубже в вену и доделал инъекцию.

– Да ты не переживай, внучек! Мне почти все промахиваются мимо вены! – успокоила меня больная, выходя из кабинета и держась за место инъекции.

Время приближалось к обеду. Занесли двухмесячного малыша, которому надо было сделать внутримышечно антибиотик. Ребенок был вялым, слабым. Лихорадка мучила его уже несколько дней. Он плохо ел, кашлял, иногда срыгивал.

«Куда там делать укол-то? – думал я. – Там вся попка размером с мой кулак».

– Евгения, сделайте, пожалуйста, сами? – попросил я медсестру.

Медсестра, взяв в складку ягодичку ребенка, сделала ему укол двухмиллилитровым шприцем. Ребенок жалобно заплакал. Мама, качая его на руках, быстро вышла из кабинета.

Все процедуры, на которые сейчас я потратил бы пятнадцать-двадцать минут, в тот день я делал два часа, но устал так, как будто чистил Авгиевы конюшни. Больные стационара, прослышав, что в больнице практикант, с каким-то интересом шли на процедуры.

В 14.00 я сел заполнять Дневник практики...

Окончание практики

Дневник практики никак не лез в голову. Как начать его заполнять? С какой фразы? Сегодня произошло столько событий, что не изложить это на простом тетрадном листе. «Началась практика...» или «пришел на практику...»? Да, блин! Как начать-то? Наверное, надо начинать с чего-то общего, постепенно подводя к главному, зачем я сюда пришел вообще?» Как там на философии говорили: «от общего к частному – анализ, от частного к общему – синтез».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.